

Ильина Е. В. Роль категории аспекта при взаимном наложении модальных и временных значений / Е. В. Ильина // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 77–87.

УДК 811.111-26'366.58

Роль категории аспекта при взаимном наложении модальных и временных значений

Е. В. Ильина

Рассматривается взаимодействие модальных, аспектуальных и временных значений в языке и тексте. Развитие системы аспектуальных значений результативности / безрезультативности, завершенности / незавершенности, предшествования / следования, многократности / однократности в различных языковых системах связывается с их взаимодействием с модальными значениями необходимости / возможности, долженствования / волеизъявления, способности / умения, веры / знания. При этом на первый план выходит не семантика самой формы, а контекст её употребления, поскольку закономерности взаимовлияния аспектуальных значений (в их соотношении с конкретной временной формой) и модальных значений в языке закладываются на уровне текста. В качестве наиболее яркого примера описывается взаимодействие перфектных и имперфектных форм, которое в тексте может использоваться как средство опредмечивания смысла. Далее сформировавшиеся в текстовом материале установки предопределяют возможность взаимной трансформации соответствующих форм в языковой системе на уровне собственно значений. В работе делается вывод о том, что взаимное наложение аспектуальных, временных и модальных значений соединяет всю ткань языкового времени, отводя на второй план формальное деление времени в языке на настоящее, прошедшее и будущее.

Ключевые слова: модальное значение; вид; аспект; модальная партитура текста.

В связывании временных пластов настоящего, прошедшего и будущего в рамках предложения, текста *аспект* играет особую роль, так как непосредственно реализует координирующую функцию модальности относительно форм, выражающих время. Поскольку в настоящей статье рассматриваются любые семантические противопоставления, связанные с реализацией модального механизма, термин *аспект* является предпочтительным (о разграничении терминов *аспект* и *вид* см.: [Плунгян, 2011, с. 377–380]). Однако при рассмотрении концепций, изложенных в работах, где такое разделение не учитывается, будет использована терминология, принятая в цитируемой работе, с соответствующими пояснениями.

На материале русского языка подтверждается тесная связь глагольных категорий вида (собственно вида. – *Е. И.*) и времени. Например, в работе В. В. Мартынова отношение между оппозицией совершенного / несовершенного вида, с одной стороны, и прошедшего – настоящего – будущего, с другой стороны, представляется как поочередное перекрывание форм времени формами вида. С каждым временем неразрывно связаны видовые характеристики на основе противопоставления «зачинательного» и «завершательного» способа действия, так как в любом из трех временных пластов каждое действие, независимо от его длительности или мгновенности, будет иметь свое начало и свой конец [Мартынов, 1982, с. 127–129].

На тесную связь категорий времени и вида (аспекта) указывал А. А. Шахматов. В одном ряду с настоящим, прошедшим и будущим он выделяет еще перфект. Причем, как и в случае древнегерманского результативного вида, перфект в русском рассматривается как особый языковой способ указания на сохранение результата прошедшего действия в настоящем. Следует заметить, что перфект в русском языке связан со страдательными причастиями прошедшего времени (в основном совершенного вида), которые, в отличие, например, от английских причастий, сохранили способность выражать время вне соотношения с личной глагольной формой, которая в случае русского перфекта вообще отсутствует в предложении: *письмо написано*. При этом перфект противопоставляется в первую очередь настоящему времени на основе отсутствия у последнего в русском языке способности выражать результат (для сравнения – у прошедшего и будущего

го имеются как результативные, так и безрезультативные вариации [Шахматов, 2006, с. 105–110].

На способность неличных форм глагола во французском языке самостоятельно выражать время указывал Ж. Гийом, который настаивал на необходимости включения неличных форм глагола в состав форм наклонения на основании того, что они так же, как и личные формы, не лишены способности репрезентировать временные отношения. Несмотря на то, что неличные глагольные формы не могут быть соотнесены ни с одним временным планом, они обладают внутренними временными характеристиками и участвуют в построении модели времени в языке [Guillaume, 1929].

В самостоятельную группу выделяются случаи включения модальных значений в семантику неличных форм в английском языке, что также косвенно указывает на влияние аспектуальных значений на взаимодействие модальности и времени. Например, Р. Бхатт отмечает, что имплицитная модальность, то есть модальность, не выраженная лексически, связывается с большим количеством синтаксических построений, которые уже исходя из семантики конструкции модальны. Такими конструкциями могут быть инфинитивные комплексы (инфинитив с зависимыми словами) в функции дополнения, определения, обстоятельства цели, подробнее см.: [Bhatt, 2006].

Интересно, что исторически необходимость выражения аспектуальных характеристик всегда преобладала над потребностью в выражении времени. Касательно исконных индоевропейских глагольных основ А. Мейе отмечал, что они неспособны выражать собственно время. Так, греческая основа настоящего времени соотносится с развивающимся действием, основа аориста – с действием как фактом реальности, основа перфекта – с действием в его завершенности. Таким образом, в индоевропейском глаголе время выражается через аспектуальные и модальные характеристики [Мейе, 1938, с. 212–213]. Это объясняется тем, что исконно для индоевропейского языка более существенными были характеристики действий не временного, а аспектуального порядка. Причем указанная особенность получила непосредственное выражение в семантике глагольных единиц. Имеется в виду наличие глаголов длительных, мгновенных, начинательных, результативных, имевшихся в санскрите и древнегреческом.

Подобным образом в семитских языках выражение характера протекания действия стоит над необходимостью выражения временных отношений [Вандриес, 2001, с. 99].

Связь аспекта и модальности прослеживается не только в форме сказуемого. Вторичные аспектуальные значения (связанные с переходом глагола из одного акционального класса в другой), как указывает В. А. Плунгян, зачастую модализированы, поскольку в них четко определяется оценочный компонент [Плунгян, 2011, с. 376]. При накладывании видовых значений на формы глагольного времени также возможна модализация последних. Так, глаголы несовершенного вида в русском языке имеют специфические формы будущего времени (сочетания типа буду + инфинитив). Однако формы типа *иду*, *бегу* (образование будущего по типу глаголов совершенного вида) стоят особняком по причине отсутствия в этих формах коннотации результативности: указанные формы выражают лишь готовность выполнить действие. Таким образом, глагольная временная форма включает в себя возможность выразить модальное значение волеизъявления благодаря модификации соотношения формы и соответствующего ей видового значения. То же можно сказать о случаях, когда глаголы совершенного вида в сочетании с отрицанием в повелительном наклонении приобретают оттенок предостережения: *не упади*, *не споткнись* (= не хочу, чтобы ты упал, споткнулся) [Шахматов, 2006, с. 86–90]. Приводимые А. А. Шахматовым факты указывают на то, что общее значение формы можно понять только путем анализа случаев наложения и взаимной модификации значений вида, времени и модальности.

Компонент эпистемической оценки зачастую оказывается определяющим при взаимодействии модальных и временных значений. В этой связи необходимо заметить, что наложение некоторых неосновных аспектуальных значений на формы времени имеет свои ограничения. Так, употребление многократного подвида несовершенного вида (хабитуалис) ограничено формой прошедшего времени: *хаживал* [Там же, с. 90]. В. А. Плунгян различает итеративный хабитуалис (постоянно повторяющееся действие, как в примере А. А. Шахматова) и генетический хабитуалис (способность выполнять действие) типа: *Кошки мяукают* (ср. *Some Lyons are dangerous* у Ф. Р. Палмера как немаркированная форма эпистемической модальности). При

этом отмечается, что эпистемическая модальность является неотъемлемым компонентом хабитуальной семантики, поскольку речь идет не о реальном положении дел, а о гипотетическом суждении. В работе также отмечается возможность «хабитуально-футуральной полисемии», когда генетический хабитуалис передается формами будущего: *он любую загадку отгадает* [Плунгян, 2011, с. 400]. Развитие форм будущего из форм хабитуалиса на материале некоторых языков может быть объяснено через участие в этом процессе модального значения возможности в качестве переходного звена, см. об этом: [Татевосов, 2004].

По нашему мнению, эпистемическая оценка некоторого события формируется при взаимодействии блока веры / знания, в котором знак между значениями определяет степень категоричности, и блока необходимости / возможности, в котором установившиеся отношения первого блока воспроизводятся, образуя квалификацию события как реального / ирреального. Тип оценки (эпистемическая) определяется направлением оператора оценочности именно на два указанных блока модального устройства с целью восстановления прямой (а не косвенной – через другие значения) связи между ними. Важно также подчеркнуть, что разделение форм по времени во многих языках является не столько собственно временным противопоставлением, сколько аспектуальным и модальным.

Связь модальности с временными формами через реализацию аспектуальных значений подтверждается исследованиями системы временных форм французского глагола у Э. Бенвениста. По мнению ученого, сложные формы (*parfait de present, d'imparfait, d'aorist, de futur*), соотносимые с соответствующими простыми формами в синтагматике (на примере сложных предложений с придаточными времени), одновременно им противопоставлены в двух планах высказывания – историческом плане и плане речи, подробнее см.: [Бенвенист, 2002, с. 270–284]. Не будем останавливаться на оспаривании возможности такого членения сферы употребления языка, однако нельзя не выделить свойство субъективности перфекта и возможность его отнесения к широкому спектру модальных средств организации высказывания. Действительно, по сравнению с формой аориста – *passé défini (il fit)*, которая представляет событие как факт в прошлом, не

имеющий связи с настоящим, форма настоящего перфекта (*il a fait*) подчеркивает эту связь, «соединяя» прошедшее событие с субъектом речи, находящимся в настоящем. Это подчеркивание субъективности с помощью глагольной формы имеет огромный смысловой потенциал. Так, Э. Бенвенист упоминает роман Альбера Камю «Посторонний» (“L’Etranger”), в котором повествование о прошедших событиях ведется преимущественно в формах перфекта, что делает это произведение, по мнению Э. Бенвениста, попыткой выставить напоказ собственное «я», свое субъективное восприятие каждой из описываемых ситуаций [Там же, 2002, с. 278].

Рассмотрим наиболее часто цитируемый отрывок из этого романа: *«Ce matin, Marie est restée et je lui ai dit que nous déjeunerions ensemble. Je suis descendu pour acheter de la viande. En remontant, j’ai entendu une voix de femme dans la chambre de Raymond. Un peu après le vieux Salamano a grondé son chien, nous avons entendu un bruit de semelles et de griffes sur les marches en bois de l’escalier et puis: “Salaud, charogne”, ils sortis dans la rue. J’ai raconté à Marie l’histoire du vieux et elle a ri. Elle avait un de mes pyjamas dont elle avait retroussé les manches. Quand elle a ri, j’ai eu encore envie d’elle. Un moment après, elle m’a demandé si je l’aimais. Je lui répondu que cela ne voulait rien dire, mais qu’il me semblait que non. Elle a eu l’air triste. Mais en préparant le déjeuner, et à propos de rien, elle a encore ri de telle façon que je l’embrassée. C’est à ce moment que les bruits d’une dispute ont éclaté chez Raymond»* (A. Camus “L’Etranger”).

В 10 предложениях абзаца 17 раз употребляется форма настоящего перфекта. Существенно также, что рассказ ведется от первого лица, это указывает на стремление автора максимально сблизить себя и своего героя. Подобным же образом с событиями в жизни героя и переживаниями автора может быть связан дейктический центр читателя, восстанавливающего смысловую структуру текста по заложенной автором модальной партитуре (о термине см. [Ильина, 2011; Ильина, 2012]). Используемые формы настоящего перфекта модальны, поскольку служат «переустройству мира» в рамках текста романа. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что в глобальном смысле связанными оказываются и временные пласты настоящего и прошедшего, граница между которыми стирается.

Перфектная форма связывает не только настоящее и прошедшее. Она может интегрировать все три временных плана. Так, в предложении «*I will allow you to go for a walk only after you've cleaned up the mess*» связанная форма перфекта помещена в план будущего, она соединяет его с настоящим и, косвенно, с прошедшим, так как основное значение формы Present Perfect – завершенность действия в прошлом и его связь с ситуацией в настоящем. Хотя, несомненно, можно утверждать, что здесь дело не в связи с планом прошедшего, а в завершенности как аспектуальной характеристике, общая семантика формы остается необходимым фоном и должна учитываться при анализе взаимодействия систем аспектуальных, временных и модальных значений.

Интересным является исследование соотношения перфектной и имперфектной форм в диахроническом аспекте. Так, В. А. Плуноян характеризует перфект как «ослабленный результатив», поскольку в большинстве языков форма перфекта развивается в сторону семантики любого «последствия» заданного действия, которое сохраняется в настоящий момент. При этом эволюция семантики перфекта в большинстве случаев подразумевает поглощение перфектом форм аориста и нерезультативного претерита и образование так называемого «расширенного перфекта», который может сохранять или утрачивать в конкретной языковой системе значение результативности. Изменения на этом не заканчиваются, так как в случае утраты семантики результата вслед за этим образуется и новый перфект. Важно, что такие циклы развития перфекта повторяются [Плуноян, 2011, с. 389, 391]. Таким образом, формы перфекта и обобщенного имперфекта оказываются одновременно объединенными и противопоставленными.

В синхроническом аспекте указанное соотношение также проявляет связь с модальностью. Рассматривая семантику английского выражения *to be able to*, Р. Бхатт говорит об «исчезновении модальности» в том случае, если в данном контексте возможна замена *be able to* на *manage*: *John was able to eat five apples in an hour = John managed to eat five apples in an hour*. По мнению Р. Бхатта, такое сходство семантики глагольных единиц объясняется влиянием контекстуально обусловленной аспектуальной интерпретации ситуации. При перфектной интерпретации (*John was able to eat five apples*

in an hour and he did it) модальная часть сказуемого уже не выражает способность, то есть становится безмодальной, поскольку имеет место лишь сообщение факта. При имперфектной интерпретации (*John was able to eat five apples in an hour but he didn't do it*) сохраняется семантика общей способности (*generic ability*). Данное различие в реализации семантики выражения *to be able to* Р. Бхатт связывает с обязательным присутствием конвенциональной имплицатуры о том, что субъект приложил минимум необходимых усилий для производства действия. В случае же имперфектной интерпретации основной движущей силой является оператор обобщения (*generic operator*), заключенный в семантике имперфекта и зачастую связанный с выражением *склонности*, что, по всей видимости, говорит о его модальной природе. Для иллюстрации последнего положения автор приводит пример ассерторического суждения, в котором нет лексем или иных средств, связываемых с модальностью: *John drinks beer*. Данное предложение можно в зависимости от контекста интерпретировать как сообщающее о свойственном Джону, привычном поведении или о расположенности Джона выпить пива, так как обычно он его пьет (ср.: генетический хабитуалис, по В. А. Плунгяну, также связываемый со значением волеизъявления – *склонности*). В последнем случае не требуется обязательного выполнения требования истинности пропозиции, то есть речь идет о нефактивном суждении, что также поддерживает модальную трактовку [Bhat, 2006, p. 159–173].

С точки зрения Дж. Байби, наоборот, совершенные формы являются модализированными. Наличие аспектуальных граммем предшествования и результативности, то есть значение успешного завершения действия, часто подразумевает реализацию в данном контексте значения *умения*, так как на это указывают исходные для образования соответствующих модальных форм лексические показатели во многих языках – «добираться до места», «получать» [Bybee et al., 1994, p. 191].

Таким образом, представление о модализированности противопоставления совершен / имперфект могло меняться: с модальностью связывался то совершен, то имперфект. Важным также является факт исторического взаимодействия формы совершен и имперфекта, ко-

торые имеют возможность взаимной трансформации, переосмысления значения. Кроме того, актуализация конкретного аспектуального параметра: результативности / безрезультативности, завершенности / незавершенности, предшествования / следования, многократности / однократности – связаны более не с семантикой самой формы, а с контекстом её употребления. Указанные языковые закономерности могут реализовываться и на уровне текста. Точнее сказать, именно взаимодействие перфектных и имперфектных форм в тексте, которое имело под собой то или иное смысловое основание, привело к фиксации возможности взаимной трансформации соответствующих форм в языковой системе на уровне значений.

Таблица 1

Соотношение модальных, временных и аспектуальных языковых значений

Формы времени	Временные и аспектуальные значения	Модальные значения
<i>настоящее</i>		
генетический хабитуалис	настоящее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
перфект	настоящее + прошедшее + результативность (завершенность)	необходимость/возможность ←вера/знание, способность/умение
имперфект	настоящее + безрезультативность (незавершенность)	способность/умение, волеизъявление
<i>прошедшее</i>		
простая форма	прошедшее + завершенность/незавершенность	необходимость/возможность ←вера/знание, волеизъявление
плюсquam-перфект	прошедшее + предшествование	волеизъявление
итеративный хабитуалис	прошедшее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание
<i>будущее</i>		
проспектив	будущее + безрезультативность	волеизъявление
футурумный презенс	будущее + безрезультативность	необходимость/возможность ←вера/знание
генетический хабитуалис	будущее + многократность	необходимость/возможность ←вера/знание

Приводимая ниже таблица представляет собой обобщение рассмотренных случаев взаимодействия компонентов модального устройства языкового сознания с временными и аспектуальными значениями (табл. 1).

Необходимым пояснением будет ссылка на указание только наиболее существенных аспектуальных характеристик в плане осуществления взаимодействия данного временного значения с соответствующим значением модального устройства. Следует также еще раз подчеркнуть, что взаимодействие временных и аспектуальных значений под влиянием модальности соединяет всю ткань языкового времени, отводя на второй план формальное деление времени в языке на настоящее, прошедшее и будущее.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 2-е изд., стер. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Вандриес Ж. Язык : лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес : пер. с фр. ; примеч. П. С. Кузнецова ; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2001. – 407 с.
3. Ильина Е. В. Построение модальной партитуры и выражение эмоционально-волевых реакций в тексте / Е. В. Ильина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2011. – № 4. — С. 48–62.
4. Ильина Е. В. Взаимодействие и конфликт блоков содержания и смысла под воздействием модальной партитуры текста / Е. В. Ильина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3 (20). – С. 105–115.
5. Мартынов В. В. Категории языка / В. В. Мартынов. – Москва : Наука, 1982. – 192 с.
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе ; пер. с фр. Д. Кудрявского. – Москва, Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 510 с.
7. Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плузьян : учебное пособие. – Москва : РГГУ, 2011. – 672 с.
8. Татевосов С. Г. Есть – бывает – будет : на пути грамматикализации / С. Г. Татевосов // Исследования по теории грамматики / под ред. Ю. А. Ландера, В. А. Плузьяна, А. Ю. Урманчиевой. – Москва : Гнозис, 2004. – Вып. 3 : Ирреалис и ирреальность. – С. 226–253.

9. *Шахматов А. А.* Учение о частях речи / А. А. Шахматов. – Изд. 2-е, стер. – Москва : URSS : КомКнига, 2006. – 272 с.

10. *Bhatt R.* Covert Modality in Non-finite Contexts / R. Bhatt // *Interface Explorations*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – № 8. – 204 p.

11. *Bybee J.* The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in languages of the world / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1994. – 398 p.

12. *Guillaume G.* Temps et Verbe. Théorie des aspects des modes et des temps / G. Guillaume. – Paris : Champion, 1929. – 134 p.

© **Ильина Елена Валерьевна (2013)**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры европейских языков Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, lpuchkova@mail.ru.